

Пошаговое руководство по демократическому откату (включая выборы)

Государственные перевороты ушли в прошлое. В XXI веке демократию чаще всего подрывают правительства, которые, выиграв выборы, принимают меры, чтобы больше никогда их не проиграть.

Алпер Унал Сахин

сбт 28 мар 2026

Введение

Демократии уже редко рушатся в одночасье. Они постепенно разрушаются. Выборы продолжаются, конституции остаются в силе, а лидеры настаивают на том, что ничего необычного не происходит. Между тем правила корректируются,

институты преобразуются, а политическая конкуренция шаг за шагом становится всё менее равноправной. К тому моменту, когда система начинает выглядеть иначе, она, как правило, уже меняется на протяжении многих лет.

Теории демократического регресса, ориентированные на процессы, были разработаны для объяснения такого рода медленных преобразований. В отличие от переворотов или революций, [эти теории описывают](#) последовательность событий, в ходе которой правящие круги ослабляют демократические нормы, берут под свой контроль ключевые институты, ограничивают оппозицию и используют кризисы для расширения полномочий исполнительной власти. Результатом не всегда становится диктатура, но зачастую — гибридный режим, в котором выборы проводятся, не гарантируя при этом реальной смены власти.

Турция под руководством Партии справедливости и развития (АКП) представляет собой один из наиболее поучительных [примеров](#) этого процесса. С 2002 года партия прошла путь от реформистской риторики и сближения с Европейским союзом к усилению поляризации, институциональной реструктуризации и, в конечном итоге, к созданию крайне централизованной президентской системы. Ничто из этого не произошло в одночасье, и почти все эти изменения были осуществлены посредством правовых реформ, а не открытых репрессий.

Польша под руководством партии «Право и справедливость» (PiS) после 2015 года пошла по схожему пути, однако результат оказался иным. Демократические [институты ослабли](#), но не рухнули, и в конечном итоге правительство утратило власть в результате выборов. Этот контраст поднимает важный вопрос: если ход отката в прошлом выглядел схожим, почему один случай закончился конкурентным авторитаризмом, а другой — нет?

В данной статье утверждается, что процессуально-ориентированная теория по-прежнему остается весьма полезной, но неполной. Она объясняет механизмы эрозии демократии, однако зачастую недооценивает значение международного давления, политических кризисов и силы оппозиции. Пример Турции показывает, как этот процесс может дойти до конца. Пример Польши демонстрирует, как его можно прервать.

Теория демократического регресса, ориентированная на процессы

В более ранних теориях смены режима предполагалось, что демократии рушатся внезапно. Ученые, изучавшие события конца XX века, уделяли основное внимание государственным переворотам, революциям и экономическим кризисам как

главным причинам краха. Предполагалось, что демократия рухнет в результате резкого разрыва, а не постепенно угасает на фоне продолжающихся выборов.

Период после окончания холодной войны породил иную модель. В таких странах, как Венгрия, Венесуэла, Турция и Польша, избранные правительства ослабляли демократические институты, не упраздняя их. Суды не закрывались, а «переформатировались» за счёт назначения лояльных судей; конституции не отменялись, а изменялись; оппозиционные партии не запрещались, а подвергались давлению. Система по-прежнему выглядела демократической, но баланс внутри неё постепенно смещался.

Ориентированные на процесс теории **описывают** это изменение как последовательность. Демократическая эрозия обычно начинается с ослабления неформальных норм, таких как взаимная терпимость и институциональная сдержанность. Когда политических оппонентов начинают воспринимать как врагов, а не как соперников, и когда лидеры используют каждую доступную юридическую лазейку просто потому, что могут, неписаные правила, защищающие демократию, начинают исчезать.

Следующий этап — захват институтов. Правительства стремятся установить контроль над судами, бюрократией и средствами массовой информации, часто прикрываясь реформами или повышением эффективности. Сначала эти изменения редко выглядят радикальными, но со временем они снижают независимость институтов, которые должны ограничивать исполнительную власть.

Далее следует манипуляция выборами. Выборы продолжают проводиться, но условия становятся неравными из-за предвзятости СМИ, правового давления и неравного доступа к ресурсам. Затем часто идут ограничения гражданского общества: НПО, университеты и протестные движения сталкиваются с растущим регулированием и контролем.

Кризисы могут ускорить весь этот процесс. Угрозы безопасности, протесты или попытки переворота позволяют правительствам вводить чрезвычайные полномочия, которые в обычных условиях встретили бы сопротивление. То, на что при нормальном развитии событий уходят годы, в условиях кризиса может произойти за считанные месяцы.

Конечным результатом становится то, что Левицкий и Уэй называют «соревновательным авторитаризмом»: системой, в которой демократические институты формально существуют, но действующая власть обладает таким преимуществом, что реальная сменяемость власти становится маловероятной.

Сильная сторона этого подхода в том, что он объясняет, как демократии размываются без резких переломов. Его слабость в том, что он иногда предполагает одинаковую последовательность событий везде, оставляя меньше пространства для таких факторов, как международное давление, время наступления кризисов и единство оппозиции.

Турция: последовательный демократический регресс в действии

Размывание норм

Когда Партия справедливости и развития (АКП) пришла к власти в 2002 году, она позиционировала себя как реформаторская, прозападная и приверженная демократическим изменениям. Ранние реформы уменьшили влияние армии, расширили некоторые гражданские права и улучшили отношения с Европейским союзом. Некоторое время Турция выглядела страной, движущейся к демократической консолидации.

Тон начал меняться после того, как партия одержала повторные победы на выборах. Политических оппонентов всё чаще изображали врагами нации, журналистов — агентами иностранных интересов, а группы гражданского общества — подозрительными субъектами. Когда такой язык стал нормой, чрезвычайные меры можно было оправдать как необходимые для выживания нации, а не для получения политической выгоды.

По мере усиления поляризации неформальные демократические нормы ослабевали. Государственные институты стали действовать все более открыто в партийных интересах, а контроль над СМИ постепенно переходил к группам, близким к правительству. Ни одно из этих изменений само по себе не разрушило демократию, но в совокупности они изменили политическую среду, в которой функционировала демократия.

Давление со стороны СМИ и сдерживание гражданского общества

После того как поляризация стала нормой, контроль над информацией приобрел еще большее значение. Независимые СМИ столкнулись со штрафами, давлением со стороны регулирующих органов и сменой владельцев, что способствовало появлению более лояльных материалов. Были отозваны телевизионные лицензии, газеты подвергались финансовым санкциям, а государственная реклама поощряла лояльные СМИ.

Социальные сети оказались сложнее поддающимися контролю, однако судебные иски об оскорблении государственных должностных лиц и организованные онлайн-преследования создавали постоянное давление. Целью была не тотальная цензура, а создание обстановки, в которой критика сопряжена с рисками.

[Протесты в парке Гези](#) в 2013 году продемонстрировали как ограничения, так и эффективность этой стратегии. Демонстрации были массовыми и неожиданными, но правительство соединило применение полицейских сил с контролем над информационным полем, представив протесты как дело рук экстремистов и групп, поддерживаемых из-за рубежа. После событий в Гези организации гражданского общества столкнулись с растущими правовыми и административными препятствиями, что затруднило проведение крупномасштабных акций мобилизации.

[Подчинение судебной системы](#)

[Референдум по конституции 2010 года](#) стал поворотным моментом. Представленный как демократическая реформа, он изменил структуру Конституционного суда и Высшего совета судей и прокуроров, предоставив правительству большее влияние на процесс назначений. После введения новой системы баланс сил внутри судебной системы начал меняться.

Судебные дела против критиков рассматривались оперативно, в то время как дела, связанные с оспариванием политики правительства, продвигались медленно или вообще не продвигались. [Судебные процессы](#) над военными, журналистами и представителями оппозиции продемонстрировали, насколько влиятельными могут быть суды, когда они действуют в одном направлении. Когда альянс между правительством и движением Гюлена распался, те же судебные инструменты были задействованы вновь, на этот раз против бывших союзников.

К середине десятилетия судебная власть перестала быть надежным сдерживающим фактором для исполнительной власти.

[Использование кризиса](#)

[Неудачная попытка государственного переворота в 2016 году](#) предоставила правительству тот момент, о котором мечтает любая авторитарная власть: кризис, достаточно серьезный, чтобы оправдать практически любые действия. В условиях чрезвычайного положения были уволены десятки тысяч государственных служащих, закрыты СМИ, а управление с помощью указов стало нормой.

Меры, на реализацию которых могли бы уйти годы, были внедрены за несколько месяцев. Соппротивление со стороны властей было слабым, страх среди населения — высоким, а международная критика оказала лишь ограниченное влияние. Кризис не стал причиной отката назад, но резко ускорил этот процесс.

Смещение электората

Референдум по конституции 2017 года привёл к созданию президентской системы с широкими полномочиями. Выборы продолжались, но ситуация становилась всё более неравномерной. Освещение в СМИ было благосклонным к правительству, судебные дела против представителей оппозиции стали обычным явлением, а государственные ресурсы всё более открыто использовались в предвыборных кампаниях.

Победы оппозиции по-прежнему были возможны, но их было сложнее добиться и легче оспорить. К началу 2020-х годов Турция почти идеально соответствовала модели конкурентного авторитаризма: выборы проводились, оппозиционные партии участвовали в них, но система была настолько смещена в одну сторону, что смена власти оставалась под вопросом.

Польша: аналогичный сценарий, остановившийся на полпути

После 2015 года Польша последовала знакомой модели. Политическая риторика стала более конфронтационной, судебная система превратилась в главную арену конфликтов, а государственные СМИ стали активно поддерживать правительство. С точки зрения процессно-ориентированной теории, ранние этапы демократического отката развивались в ожидаемой последовательности.

Разница заключалась в том, что этот процесс не продолжался столь же плавно. Членство в Европейском союзе повлекло за собой правовые и финансовые ограничения, которые сдерживали масштабы институциональных преобразований. Решения судов, процедуры о нарушении обязательств и приостановка финансирования увеличили политическую цену дальнейшей консолидации.

В то же время в Польше не произошло кризиса, сравнимого с попыткой государственного переворота в Турции в 2016 году. В отсутствие подобного события было сложнее обосновать введение чрезвычайных полномочий. Кроме того, оппозиционные партии действовали более слаженно, поддерживая конкуренцию на выборах, несмотря на неравные условия.

В результате правительство утратило власть на выборах 2023 года. Последовательность событий, описанная в теории, ориентированной на процессы, началась в Польше, но зашла в тупик, не успев сформировать полностью конкурентную авторитарную систему.

Критическая оценка

Пример Турции показывает, насколько хорошо ориентированная на процесс теория объясняет разрушение демократии. Нормы ослабли, институты были захвачены, кризисы ускорили изменения, а выборы становились всё менее равными. Последовательность событий почти идеально соответствует модели.

Пример Польши демонстрирует ограниченность этой теории. Аналогичные стратегии не привели к тем же результатам из-за различий во внешнем давлении, динамике кризиса и силе оппозиции. Международные ограничения повысили издержки консолидации, отсутствие серьезного кризиса замедлило институциональные преобразования, а скоординированная оппозиция поддерживала конкуренцию.

Эти факторы свидетельствуют о том, что регресс демократии не происходит автоматически. Описанная теорией последовательность событий действительно существует, но то, достигнет ли она конечной стадии, зависит в равной степени как от контекста, так и от стратегии.

Заключение

Современные демократии редко рушатся в одно мгновение. Они меняются постепенно — в результате правовых реформ, институциональных конфликтов и политических кризисов, которые шаг за шагом изменяют расклад сил. Теория, ориентированная на процессы, лучше отражает эту закономерность, чем более старые модели, в которых предполагались внезапные коллапсы.

Турция демонстрирует, как этот процесс может дойти до конца. Польша показывает, как он может остановиться на полпути. Разница заключается не только в действиях правительств, но и в ограничениях, с которыми они сталкиваются со стороны институтов, оппозиции и международного сообщества.

Демократия редко разрушается одним ударом. Чаще всего её разбирают по частям, при свете дня и под видом законных оснований. Зависит ли исход этого процесса от установления авторитарной стабильности или от поражения на выборах, зависит от

того, сколько ограничительных факторов сохранится к моменту начала этого процесса.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ Польша Турция АКР